

О.М. Куваев

Азовский вариант

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-11

О.М. Куваев
О-11 Азовский вариант / О.М. Куваев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 57 с.

ISBN 978-5-458-04027-3

Написана в 1966 г. Впервые напечатана в приложении к журналу «Вокруг света» – «Искатель».

ISBN 978-5-458-04027-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015
© О.М. Куваев, 2015

Олег Куваев
АЗОВСКИЙ ВАРИАНТ

Антураж

Город разметался на изрезанном оврагами пыльном плато, которое кончалось глинистым двухсотметровым обрывом. По обрыву, подобно альпинистам, карабкались лохматые возы, у подножия его начиналась рыжая азовская степь. Над степью, над камышами сверкающего на солнце лимана кружились коршуны, за лиманом же не было ничего: пляж из мелкого ракушечника-«черепашки» да вода Азовского моря.

На самом краю глинистого обрыва находилось дощатое заведение с краткой и содержательной вывеской «Вино». Вывеска была обращена на покрытую желтым булыжником площадь, за площадью куриными, поросычými и человеческими голосами гомонил воскресный базар.

Человек, носивший странную кличку Три Копейки, сидел, прислонясь к дощатой стенке винного заведения, и в этот утренний час озирает неторопливо, как бы впитывая в себя, три сущности, три первоосновы своего бытия – бытия профессионального браконьера: лиман, где он упомянутыми в уголовном кодексе способами ловил рыбу, рынок, где он обращал рыбу в деньги, буфет, где эти деньги переходили в кассу Иисуса Христа, хромого человека, получившего библейскую кличку из-за неодолимой склонности стоять за стойкой, раскинув руки по стенке, со склоненной в печали головой – точь-в-точь сын божий на голгофском кресте.

Три Копейки смотрел на пустынную площадь и ждал, когда появится на спортивном велосипеде «Харьков» отпускник по имени Адька. То, что он появится, Три Копейки знал точно. Адька будет пить сухое вино, двадцать копеек стакан, и при первом же намеке с удовольствием угостит и его. Три Копейки будет пить мутно-бордовый портвейн, плести разные побасенки и угощаться за чужой счет, пока не надоест.

Все спокойно было в подлунном мире, спокойно и знакомо. Может, от этого человеку по имени Три Копейки грустилось. Давно уже, очень давно он изучил и понял людей, попадавших так или иначе в сферу его интересов, изучил страсти этих людей и законы, которые управляют их страстями. Таких людей было немного: собратья по ремеслу, приезжие спекулянты на «Волгах» и ЗИМах, которые покупали у него рыбу, рыбоинспекция, которая гонялась за ним, и эти отпускники, самые загадочные из всех существ.

За стенкой заскрипел замок, грохнулся на землю тяжелый засов –

Иисус Христос открыл свое заведение сегодня позднее, значит, будет жаловаться на то, как мозжила всю ночь отстреленная нога. Потом, точно по заказу, появился и Адька в проклепанных и прошитых синих штанах, в полосатой поперек шелковой рубашке – форма отпусника из провинции.

Адька появился без велосипеда. Три Копейки решил, что парень настроился сегодня пить всерьез, приободрился при мысли об этом, тут же подосадовав на себя: он же должен был это предвидеть, ибо как человек ночной жизни знал о людях чуть больше, чем они могли догадаться. Вчера в двенадцатом часу ночи с мотком сетей в мешке он пробирался в лунной тени заборов и видел этого Адьку, как он маялся на углу, поджидая пигалицу – Мониину дочь, а еще чуть дальше видел и самое пигалицу, она хаханьки разводила с ростовским командированным инженером, что ремонтировал городскую подстанцию. В лунной тени заборов он посмеялся тогда тихонько: «Вот так, брат сибиряк, наш-то южный всегда тебе нос утрет...»

Сейчас ему стало жалко Адьку, такой он был весь невыспавшийся и вроде помятый, и потому Три Копейки выразил вслух сочувствие и заботу:

– Волосы у тебя, Адька, выгорели, как мочало. Ты голову прикрывай, а то вылезать начнут. Будешь путать, где голова, где пятка.

– Дьявол с ними, – хмуро сказал Адька – Мне пятки не меньше головы нужны.

– За границей способ нашли, – таинственно понизив голос, сообщил Три Копейки. – Для лысых. Продергивают тебе под лысиной нитки, а на них надевают пластмассовые волосы, точь-в-точь как при изготовлении швабры. Получается прическа без парикмахерской, любой цвет, цела до гроба.

Три Копейки покосился на яростно палящее солнце и черные точки коршунов в небе.

– Винца бы, – сказал он. – В жару хорошо. Иисус Христос слез с кресла и налил два стакана – с сухим вином для Адьки и крепленным мутно-бордовым портвейном для Трех Копеек.

Через час они спорили, положив локти на столик.

– Поймают, – говорил Адька. – Не может быть, чтоб тебя не поймали. Не может этого быть, потому что...

– Не может быть никогда, – уныло договорил Три Копейки. – Я, когда в браконьеры пошел, сразу на «Литературную газету» подписался. Хлестче всех о нас пишет. Читаю год – пишет, второй – пишет, я ловлю – они пишут. Соображаешь? Скучно читать, ей-богу.

– У нас на Амуре, – сказал Адька, – никакой инспекции. Лови

сколько хочешь и чем хочешь.

– Не может быть, – твердо возразил Три Копейки. – Инспекция всюду есть.

– Не веришь? – удивился Адька. – Пойдем – подтвердят люди.

– Зачем ходить? – примирительно сказал Три Копейки. – Жарко. Давай лучше выпьем.

– Давай, – согласился Адька. – Я как про своего дружка – он на Амуре был, а сейчас здесь ошивается – вспомню, мне обязательно выпить надо, чтоб его не убить.

Три Копейки посмотрел на струю, которая лидася из бочки в стаканы, и вяло посоветовал:

– Лучше вино под рукой держи, Адик. Я твоего дружка знаю. Пенсионер, как все, только дурак: рыбу удочкой ловит. За что таких убивать?

– За идею, – сказал Адька.

– Он крепкий мужик. С затылка заходи, как решишься пристукнуть, – дружелюбно посоветовал Три Копейки.

Адька рассмеялся. Ему нравился этот вялый циник, с которым он познакомился на ночной реке при необычных обстоятельствах. Безалаберная и рискованная жизнь браконьера, как ему казалось, была в чем-то сродни его жизни – близостью ее к воде и земле, чуть большей, чем у среднего гражданина, повседневной опасностью.

– Вот пойду я в инспектора и изловлю тебя, – сказал он.

– Поймать ума не надо, – сказал Три Копейки. – Приезжают глупые люди и ловят. Потом уезжают. В инспекции только умный без нагана долго служит. Механика жизни, друг. Соблюдение взаимной видимости.

– Тоже мне механика, – пренебрежительно сказал Адька. – На одну рыбину пять человек. Трое ловят, двое охраняют.

– Не скажи-и, – вздохнул Три Копейки. – Не скажи-и.

– Пойду, – сказал Адька. – Отпускник должен перемещаться. Активный отдых – друг здоровья.

Три Копейки вышел на улицу и опять встал над обрывом. Привычная утренняя доза вина прогнала усталость. Три Копейки чувствовал себя человеком. Рыжая азовская степь парила невнятными миражами, древние коршуны кружились над древней землей, и над всем стоял он, коричневый человек в выгоревшей ковбойке – наследник древнегреческих береговых бандитов, турецких контрабандистов, разбойных казаков в горских бешметах и прочих вольных элементов от глубины веков до эпохи социализма с еще не изжитым наследием проклятого прошлого.

За стеной захрипел патефон: Иисус Христос закрутил на патефоне пластинку, напетую хриплым баритоном неведомого одессита:

Наложите мне, сестричка, повязку,
кроме раны, еще и на грудь,
чтобы сердце, забывшее ласку,
успокоилось как-нибудь...

Иисус Христос иногда жил в шоке войны, куда возвращала его боль в ноге, отрезанной двадцать лет назад. Солдатская инвалидная песня помогала забыть поля, где визжало железо, и запахи госпитальных бинтов.

Три Копейки знал, что, когда Иисус крутит пластинку, в буфет заходить нельзя, и потому уселся на горячую потрескавшуюся глину. Палящий солнечный смерч опрокинул его на спину. Три Копейки прикрыл ладонью глаза и стал тихонько похрапывать: морщины разгладились, безвольно расслабились губы. Браконьер-профессионал исчез и превратился в кейфующего на воздухе подвыпившего человека.

Адька быстро пересек бульжную площадь. Спешить было некуда, но он еще не усвоил искусство шаркающего курортного променада.

Перед рыночным входом стоял галдеж. Толстые смуглые казачки в цветастых платьях задирали ноги в кузова пыльных грузовиков. Связанные за ноги куры в их руках прикрывали оранжевыми веками круглые ошалелые глаза. Из дверей столовой валил запах горящих котлет с томатной подливкой. Отцы семейств в соломенных шляпах несли редиску. Милиционер Яша Осетин, в голубой куртке и брюках дудочкой с малиновым кантом, постукивал пальцами по кобуре. На стоянке автобусов, идущих к морю, колыхалась двухсотголовая очередь. До моря было одиннадцать километров, а маломестный автобус ходил раз в сорок минут. Последние в очереди были обречены торчать тут до вечера. Но эта толпа состояла из стойких, видавших виды жителей больших городов, не имевших профсоюзных путевок.

Адька пришел на рынок. Под гофрированной крышей его было прохладно. Дощатые столы в обшарпанной зеленой краске уже опустели, в проходах валялись давленная ботва редиски, семечковая шелуха. Только рыбный ряд стойко держался. Полосатые крупные окуни, плотные лиманные щуки, судаки с оловянными глазами лежали на прилавках. Темные сомы меланхолично свешивали с прилавков китайские усики, из-под сазанов с недоуменно приоткрытыми глазами выглядывала запретная осетрина.

У рыбных груд стояли тетки из Замостья – браконьерской слободы. Тетки презрительно смотрели на бесстыжих курортниц в обтягивающих штанах и прозрачных кофточках. Они не зазывали и не упрашивали – знали себе цену. Весь Северный Кавказ валил в этот городок за рыбой. Не хочешь – ищи в магазинах. А в магазинах – прости, господь, чудеса южной торговли – пылились банки бычков в томате, соленая треска из мурманских вод и зеленая брынза с неизвестных пастбищ.

Адька прошелся вдоль ряда чугунных Тамерланов, остановился у единственного в рыбном ряду человеческого лица – белобрысого пацана лет пятнадцати – и выбрал себе судака средних размеров.

– Три рубля, – сказал пацан и безразлично покосился на белесые нитки облаков, зарождавшиеся в неведомой выси. Из-под зеленого стола вылезла белобрысая же с веснушчатым носом девчонка, стала разглядывать Адьку.

– Почему дорого? – спросил Адька. – Вчера такой полтора стоил.

– Такая сегодня установка, – твердым рыночным басом ответил пацан.

Адька шелкнул девчонку по носу и отдал трешник.

– Та подождите ж, я вам веревочку вдену, раз вы без кошелки, – уже по-человечески сказал пацан. – Марья, дай бечевку.

Девчонка нырнула под прилавок. Адька взял судака и пошел опять мимо теток-тамерланов, которые молча смотрели прямо перед собой, пережигая конкурентную зависть.

У каменных рыночных ворот сидел на бочке старичок с костьюлем в буклейной кепке, надвинутой на глаза. Из-под кепки выглядывали серая борода и пронзительные молодые глаза. Это был вампир-старичок, законодатель рынка. Сам никогда ничем не торгуя, он единолично, какой-то мистической властью устанавливал цены, наплевав на все законы спроса и предложения. Впрочем, говорят, старичок этот функционировал только в летнее время, когда основная покупательская масса состояла из разобщенной текучей толпы приезжих. Сейчас он смотрел на Адьку и на купленного судака.

– Три рубля, дед, – сказал, проходя мимо, Адька. – Точно по твоей таксе.

– Иди, милый, иди домой, закусывай, – строго сказал старик.

Адька вышел на затененную акациями улицу. Очередь у стоянки автобусов к морю чуть-чуть рассосалась. Наиболее малодушные из хвоста расползались по домам, проклиная юг, жару и транспортные организации. Энергичные мужчины в майках образовали компактную массу у ларька, где продавалось вино.

Напротив почты, у водопроводной колонки, стояли с ведрами три юные аборигенки. Пылающая южная плоть дерзко пренебрегала сарафанами, и юные аборигенки стояли у льющейся воды, как нимфы. Адька чертыхнулся и, повинувшись суровому внутреннему кодексу, стал смотреть на асфальт. Однако впереди него, чуть покачиваясь под коромыслом, плыла соседская дочка-десятиклассница. Загорелые ноги ее с плотной, как у танцовщиц, щиколоткой переступали по асфальту. Девчонка скосила на Адьку жгучие глаза и усмехнулась вовсе не по-школьному. Адька готов был треснуть ее судаком по голове, но вместо этого сказал: «Привет». Девчонка ничего не ответила, только хлопнула ресницами и опять усмехнулась. Адька готов был побожиться, что эта малявка читает у него в душе, как на экране. Он яростно захлопнул за собой калитку и остановился, чтобы собрать слова и теми словами стереть в порошок своего друга Колумбыча, как только его увидит. Но вместо Колумбыча на стук калитки из сада выскочил пес Дружок – черно-белая дворняга. Пес уселся на землю, глядя на Адьку веселыми преданными глазами. Адька прошел к сараю, взял топор и оттяпал Дружку судака на рубль с чем-то.

Христофор Колумбыч

В местах отдаленных бывает так, что человек вдруг ни с того ни с сего начинает толковать об иных краях. О тех самых, где виноград стоит полтинник, девчонки круглый год ходят просто так по дорожкам в своем капроне и вообще жизнь надежнее, выгоднее и гораздо приличнее, если, конечно, человек не достиг той стадии, когда «Огонек» публикует его фотографии на уровне первых полос. Человек долго рассуждает о преимуществах собственного дома по сравнению со всяким жэковским барахлом, не говоря уже о барачном или палаточном житье-бытье, и в конце концов находит себе рай на земле в неизвестном ему до сих пор Ставрополе-на-Волге или Ключновке.

С Адькиным другом, Христофором Колумбычем, именно так все и было.

На его памяти Колумбыч уезжал раза три, но все это кончалось разговорчиками, а тут все поняли, что он уезжает всерьез, ибо нашел то самое место. Было это место на Азовском море, и рыба сама там лезла на берег, дома отдавали желающим почти даром, кругом имелись плавни, лиманы, крутые горы, а запахи разной растительности по ночам сгущали воздух до состояния густого ароматного киселя. О городке этом он услышал от случайного автобусного попутчика, а тот, может, и сам его не видал, но так или иначе место было найдено, и Адькин друг, Колумбыч, уезжал.

Они познакомились четыре года назад у подножия одной из амурских сопок, и знакомство это можно назвать predetermined судьбой, ибо ему предшествовал жизненный путь как Адьки, так и старого армейского служаки на пенсии. Колумбыч имел биографию из богатых: зимовал в Тикси во времена героической Арктики, был снайпером на Халхин-Голе и некоторое время прожил тогда в северном Гоби в одиночной юрте, давая приют попавшим в беду армейским шоферам. Среди всех этих дел он был еще пограничником, призовым стрелком, возглавлял нашумевший когда-то лыжный переход Урга – Москва и на дне чемодана хранил типографские афиши с программами сольных концертов на балалайке. Столь разносторонняя деятельность помешала Колумбычу продвинуться дальше чина старшины и обзавестись собственным углом, а потому, пробездельничав два года в Самарканде, он подался на Север – страну своей молодости – и, видно, сделал это не зря, ибо само вторжение его в когда-то легендарные, но изменившиеся за четверть века се-

верные края сразу родило легенды, как, допустим, рождает их выход в море старого полузабытого корабля.

Одна из легенд гласила, что несколько лет назад на аэродроме полярной авиации не пускали в самолет специального назначения человека с двустволкой, рюкзаком и набором четырехметровых удилиц. Не пускали, ибо двустволку надо было везти в разобранном виде, в чехле, а рюкзак сдать в багаж, а удилица можно только складные.

На все возражения дежурной человек отвечал убежденно, что двустволка ему нужна неразобранная, а в рюкзаке у него необходимые патроны и снасть, а в длине и системах удилиц он разбирается получше многих. Только с полной экипировкой может он лететь над любым диким местом: грохнется самолет – кто будет кормить экипаж и уважаемых пассажиров?

Говорят, что от этих неопровержимых доводов сник начальник отдела перевозок, помнивший времена первых полетов в Сибирь, и начальник аэропорта, вызванный на шум, замолк с затуманенным взором, а командир корабля с четырьмя значками, каждый за миллион километров, сказал: «Я этого вооруженного деда беру под свою ответственность». Самолет взлетел и взял курс на восток. Еще говорят, что по дороге самолет тот исчез и нашли его через два дня на глухом запасном аэродроме возле какой-то речки. Первый пилот и второй пилот, штурман, радист и бортмеханик в кожаных штанах откровенно стояли на берегу водоема с четырехметровыми удилицами в руках, на ступеньках самолетного трапа сидел и курил старина с двустволкой, охраняя всемирный покой, а в сторонке около противня с рыбой коптился у костра один известный деятель. Только это и спасло экипаж от увольнения из славных рядов ГВФ, ибо самолет-то был арендован руководимой деятелем фирмой.

Колумбыча на Север влекла тоска по устроенной жизни. До пенсии идеалом устроенной жизни была армия, когда командиры и интендантство заботятся о твоём перемещении по планете, пище три раза в сутки и одежде. Сходный вариант на гражданке он нашел в топографической экспедиции. Экспедиция занималась триангуляцией вначале возле Норильска, потом перекочевала на Амур, Колумбыч же определился туда завхозом, что вполне соответствовало его занятию старшины. Почти сразу у него прорезались таланты: уложить человеку на спину мешок с цементом, который надо нести на вершину, окружить царской заботой вернувшегося из «многодневки» бедолагу, вовремя оттащить тоскующему на вершине наблюдателю термос с заваренным по дозе чаем и еще иногда, когда идут